

A photograph of a light-colored, possibly ceramic or plaster, sculpture of a woman's head and upper torso. The sculpture is positioned against a white, textured background. A bright red, textured collar with several silver-colored spikes and studs is draped around the neck and over the shoulder. The lighting is dramatic, casting a dark shadow of the sculpture onto the background to the right.

Сергей Семеркин

Сестёр люблю, фашистов ненавижу!

Сергей Владимирович Семеркин Сестёр люблю, фашистов ненавижу!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29823270

SelfPub; 2018

Аннотация

Треш, содержащий слишком много секса, крови и насилия (хотя есть и трогательные моменты). Время действия – альтернативное будущее, место действия – оккупированная фашистами территория. Главный герой – не обремененный моралью боец сопротивления. При прохождении досмотра он западает на одну валькирию...

Использовать детей низко и подло, использовать детей в деле, за которое грозит расстрел или виселица... тут даже слово не подберёшь подходящего, чтобы описать степень грехопадения. Но использовать детей нужно. Когда проносишь листовки. Потому что всех обыскивают, но никто не посягнёт на такой невинный предмет, как плюшевый мишка, которого прижимает к груди белокурая девочка с большими голубыми глазами. Ну, у кого поднимется рука потрошить собственность такого ангелочка? Есть нюанс: не нужно запихивать в мягкого мишку взрывчатку или огнестрельное оружие, ребёнку будет тяжело, да и любой взрослый, если возьмет в руки такого нафаршированного зверя почувствует неладное. А вот для небольшой пачки листовок брюхо медведя подходит даже лучше, чем для мёда, ведь плюшевому Потапычу противопоказано сладкое. А листовки надёжнее репостов в соцсетях, потому что соцсети отследить можно, а расклейку листовок в не оборудованных видеокамерами закоулках – нельзя.

Солнце уже встало над городом, мы с Нелли как законопослушные граждане вышли загодя, чтобы в положенное время пересечь блокпост между кварталом недолюдей и царством представителей высшей расы. Естественно, нас ждал досмотр. Розовый рюкзак девочки-блондинки осмотрели вскользь, а мой тщательно и бесцеремонно, благо, я там ничего не прятал и всё моё барахло лежало на виду. Рамку тоже прошёл без проблем, но этого недостаточно и чёр-

ноокая бестия, туго затянутая в чёрную нацистскую форму обвела мой контур ручным детектором металла, тот лишь слегка попискивал и ни разу не впал в истерику – запрещёнки на мне не имелось. Я улыбнулся представителю власти, она лишь небрежно махнула детектором, мол, можешь идти. Сексуальная чертовка, я бы ей кое-что вложил в рот...

Беру Нелли за руку и пытаюсь отмахнуться от налетевших на меня эротических фантазий. Единственное, что мне нравится в нациках, это их форма, дизайн хорош. Закинуть бы её ноги в высоких шнурованных ботинках себе на плечи и... какая прелестная картина получается! А так то я фашистов (ну какая разница – нацисты, фашисты – всё одно враги прогрессивного человечества) ненавижу. И борюсь с ними в меру своих скромных сил и возможностей. Недолго им осталось в нашем городе небо коптить. Скоро подойдут войска союзников, да и мы готовим вооружённое восстание. Так что каждая нацистская сестра получит по сереге в виде кольца от гранаты и... саму гранату, отдельно от кольца. Буга-гашечка!

Листовки дошли до точки, ночью их расклеят и граждане узнают о местном фюрере много нового и интересного, да и самому вождю мало не покажется. На обратном пути всё тот же досмотр и та же сексуальная фурия. Я её беззастенчиво подмигнул, за что она также ничтоже сумняшеся вытряхнула содержимое рюкзака на асфальт, видимо, это означало – пройди, сволочь, через унижение! – но я бодро собрал барах-

ло. Эге, а валькирия равнодушна ко мне дышит. Надо тему развить. Во время обеда Нелли рассказывала, как тётя-фашист перевернула мой рюкзак «а дядя Лёня всё собирал». Дядя Лёня – это я, сокращенно от имени Леонид, в узких кругах больше известен, как Лёня Штык. Потому что пуля – дура, а штык – молодец. Это ещё Суворов верно подметил.

Вечером я шабашил – разгружал дефицит. Сейчас в рейхе всего не хватает – от бритв и хорошего кофе до женских прокладок и даже туалетной бумаги. Поговорка появилась говорящая: шоколад вдвойне вкусней, если это шоколад. Бу-га-гашечка! В этот раз разгружали по грузовикам вагон со шмотками – они лёгкие, так что с парнями не надорвались. После позднего ужина я заглянул в бар «Белая смерть» и пропустил пару рюмок кальвадоса, на запах этого напитка подтянулся Молот, а где он – там шум и веселье. До шума я успел спросить, что это за стерва, которая стоит на третьем посту. После описаний её внешности и недоброго нрава выяснилось, что это Марлен. Вообще валькирия ничего себе так, её бы на чём-нибудь зацепить, ну например, на сексе, вытащить на нашу сторону и пусть помогает всякое интересное через рамку таскать.

Молот ненавидит две вещи в жизни (на одну больше, чем я): расизм и негров. Я ему постоянно талдычу, что нельзя так бросаться словами, не нужно говорить «негры» – они такие же люди как мы, только чёрные. Но Молот – потомок викингов, а тем было без разницы кого убивать, грабить и

насиловать. Вот так же незамутнённо он меня и спрашивает: «какая разница – негр, чёрный – всё равно от них никакого толку, кроме репа». Тут я теряюсь, какой аргумент в виде лома применить, ибо не помню ни одного негра... тьфу ты... чёрного, обладателя Нобелевской премии. Обама не в счёт, ему дали только за то, что он стал самым чёрным и при этом самым бледным президентом США в начале XXI века. А использовать служебное положение ради наград... да, неудачный пример, как и неудачный президент. Зато Молот ненавидит расистов и на этой почве помогает нам с восстанием. По его понятиям, если уж убивать, так всех отморожков, а не делить их на отморожков правильной национальности и отморожков неправильной национальностей. Наверняка, Молот попадёт в Валгаллу. Скольких он зарезал, скольких он замесил своими пудовыми кулаками. Молот – потому что кузнец то ли в третьем, то ли в четвертом поколении. А кузнец – это уважаемая профессия, это вам не подделки из 3D-принтера вынимать. Всё тело, шея и часть лица у кузнеца покрыта цветными татухами, там есть женщины с мечами, зубастые демоны, черепа и рунические надписи. Он постоянно склоняет меня сделать тату (бесплатно), но я отнекиваюсь, объясняя тем, что любая татуировка – это дополнительная особая примета и корю его за росписи. «Меня в толпе выдают не татуировки», – веско замечает на это Молот. Действительно, трудно человеку ростом 210 сантиметров и весом больше 150 килограмм спрятаться в людском море.

– Ещё по одной? – предложил Молот.

– Поехали!

Помолчали.

– Скоро уже? – ох запытал он меня этим вопросом, ему бы лишь ввязаться в драку, а дальше, как у Наполеона, а у того не всегда выходило хорошо.

– Скоро! – бодро отвечаю я. Дату восстания, как и дату второго пришествия Христа знают немногие, я не из их числа.

– А вот этой блондиночке я бы вдул! – одобрительно крикает Молот, я фокусирую глаза на зазнобе, которая явно в нашем любимом баре «Белая смерть» первый раз.

– Ага!

На этой здоровой ноте я и дезертировал, ибо пить с Молодом чревато потерей многих пунктов здоровья, а мне завтра снова листовки разносить. Точнее не мне – Нелли, а троянским конём как всегда будет мишка Муш, так она окрестила своего любимца. На этот раз всё прошло без сучка и задоринки, я решил вообще не брать рюкзак, поэтому на моё подмигивание на обратном пути (листочки доставлены – бу-га-гашечка!) валькирия Марлен только послала меня знакомым уже небрежным жестом куда-то в сторону юго-востока. Ничо, мадама, я тебя поимею. В данном случае я трезво оцениваю свои возможности, никакого послабления мании величия, ибо её крепко уравнивает комплекс неполноценности. Что есть во мне, то есть – нравлюсь я бабам! И не

красив, и нет у меня шести кубиков пресса, и одет не по моде (я вообще не знаю, что это такое), и не при деньгах особых (но щедр, всё что имею – не храню, прогуляв – не плачу), и член – не сорок сантиметров, а вот есть во мне та самая неуловимая штука, которую кто-то кличет харизмой. Но что скажите, пожалуйста, объясняет слово «харизма»? Просто одну непонятную субстанцию заметили еще одним непонятным понятием. Короче говоря, во мне это есть, а во многих толковых мужиках – нет.

Но на одной харизме далеко не уедешь. Нужна база. Базы нет, я снова живу с родителями, в связи с уплотнением, вызванным эвакуацией граждан из занятых союзниками территорий. Все семьи в округе уплотняются и вот я со съемной квартиры вернулся к родакам. Денег тоже нет, ибо их нет у меня никогда. Зато есть ещё три контрамарки в шоу-варьете «Мурена», а там имеются уютенькие комнаты, где можно уединиться. Но сразу же валькирию в такой гадюшник не потащишь! Нужна идея, а идеи нет ни одной. Ну, улыбнусь я во весь 31 зуб (нижний левый клык мне выбили в одной глобальной драке, а имплантат я пока не могу себя позволить), а дальше то что?

Как это часто бывает, в события вмешалась рука провидения (каждый может впихнуть в это всёвпихуемое понятие то, что считает нужным). Меня вызвал шеф, не самый главный шеф, а шеф, так сказать, моего уровня. Правда, у нас такого разброда сейчас нет, какой наблюдался в феодальные

времена, когда вассал моего вассала мог не быть моим вассалом. С шефом разговаривали на скамеечке в парке рядом с журчащим фонтаном.

– Говорят, тебе понравилась Марлен? – сразу к делу приступил старший по званию.

– Наговаривают, – малость набиваю цену, если сразу согласиться на всё, что же это за конспирация и оперативная разработка получится? Но чую – фарт попёр! Стараюсь не улыбаться.

– Да или нет?

– Ну ничо так бабель!

– А она как, отвечает на твои флюиды?

– Чего?

– Может стать нашим каналом?

– Пощупать надо за вымя, может, будет давать молоко, а может так – одни формы силиконовые и никакого содержания.

– Ты эту демагогию брось, не в церковно-приходской школе!

– Готов взять потенциальный канал в концессию... – я посмотрел на небо. – Но нужны ресурсы!

– Вот тебе деньги и ключи от квартиры на Гривке, срок – три дня, чтобы результат был. Дави и на основной инстинкт и на инстинкт самосохранения напирай. Скоро союзники будут здесь и за работу на нациков можно запросто смазать шею мылом и повиснуть на ближайшем столбе с энергосбе-

регающими лампами.

– Три дня... это всего две ночи... мало, через неделю готов гарантировать результат.

– Пять дней на всё про всё. И запомни, ты мне нужен здесь живой, почувешь, что рыбка ведет двойную игру – всё бросай и беги. Мы тебя в горы определим.

Морозить жопу на камнях не хотелось, хотелось тут коллобродить, но приготовился к любому развитию событий. Ключ и деньги грели мои карманы, фибры души и тот орган, который от прилива крови увеличивается до размера флейты. Когда харизма подкрепляется материальной базой... ну, по моей хитрой роже всё сразу видно. Иду такой по микро-району, руки в брюки, насвистываю – крендель ещё тот! У земляков с безымянного гаража на пустыре я довольно быстро выцыганил тачку. Развалюха ещё та, зато движок ревет, а акустика настолько адская, что его заглушает. В районе для сверхлюдей на такой не поездишь – не пустят, а вот у нас, у недочеловеков рассекать по ночным улицам – самое оно. Я было думал, что всё уже на мази, но нет. Проследил за Марлен до её хаты, а тут нарисовался какой-то хлыщ, да не просто хлыщ, а грюпенфюрер, а амбиции – как у бигфюрера. Откуда они берутся такие шустрые? Хотя, на такую кралю грех не позариться. Ладно, сижу, типа курю. Не имею такой вредной привычки. Лучше помереть от пули, чем от никотиновой палочки. Грюпенфюрер вышел быстро и лицо имел бледное – не обломилось ему. Бу-га-гашечка!

Сразу схватить быка за рога, или в данном случае корову за дойку не получилось. И на второй день осады не вышло и на третий обломилось «моё милое нацистское счастье». Я даже начал потеть в самых неожиданных местах. Время идёт, а результата нема. Но нет таких женских крепостей, которые не взял бы ослик, нагруженный косметикой. Итак, улица, бар, подбухиваем. Заарканил я валькирию просто – подошёл с важным видом и сказал: «Здорово, поговорить надо о твоей жизни и о твоей смерти». Ну как она могла отказать такому знатному витязю? Ладно, сидим, пьём, для расколки льда я ей чулки подарил, таких в городе днём с огнём сейчас не достанешь. Она не кочевряжилась – взяла. Выпили ещё, а потом чувствую – магнитит она меня страшно, да и её ко мне тянет. Аж искры проскакивают и ионы рождаются, а также другие заряженные частицы. Фермионы или эти, как их, кварки... Так за чем же время терять? Затарились в машину, раздеваться уже там начали, ну а потом на хату... хорошо всё-таки жить. Мебель поломали, интересно, я за неё матответственный или прокатит?

– Ты чего сказать то хотел? – спросила валькирия. Больше всего она похоже на героиню старого доброго и сентиментального фильма «Приведение» (актриса там ещё играет с такой мурлычной фамилией). Формы для глаза мужского привлекательные, причёска короткая, а это значит, что во всяких забубённых позах камасутры волосы тебе в лицо не лезут (кто-то это любит, я – нет). Короче, девка – огонь!

Только в кино такого мебельнодробительного секса не наблюдалось, как у нас произошёл.

Презерватив? Да ладно! Когда успеешь его надеть, когда тут такое?

– Так, два предложения – переходи на сторону сопротивления и бросай ты уже курить! – я вынул из её рта сигарету и обо что-то затушил.

– Ничёсе ты раскомандовался! Курить не брошу!

– Так и знал, что по первому пункту возражений не будет!

– Чем завлекать то будешь, деньгами, али отроstrom своим?

– Так его ещё никто не называл...

Тут мы отвлеклись и довольно не скоро вернулись к вербальному общению.

– ...да что сопли жевать, скоро союзники будут здесь и за твою службу нацикам тебе минимум срок грозит немалый, а, скорее всего, или стенка или петля на фонаре. Так что самое время сделать правильный выбор.

– Ну, даже не знаю, складно говоришь... – она потянулась, как кошка, наевшаяся сметанки.

– Ты же не только красивая, но и умная, вот и обмозгуй. Только не долго.

– Принимать в пионеры будешь ты?

– Конечно, прямо здесь и сейчас...

Начались фетишистские игры с переодеванием. Надеюсь, скрытых камер в этой конуре не смонтировали, а то перед

товарищами по оружию будет неловко.

Сопротивленческий канал, таким образом, мы открыли. Пользовались аккуратно, всякое вредное для национал-социализма возили без фанатизма. Сейчас же передвижение любого гражданина довольно точно можно отследить, так что свои привычные маршруты лучше кардинально не менять. Вот и я, как ходил каждый день через положенные рогатки туда и обратно, так и продолжал всякие ништяки носить ежедневно. Но файда длилась не долго...

Обычный день, обычный маршрут, Нелли как всегда сжимала любимого мишку Муша, я – в полном параде и с улыбкой на лице приближаюсь к пункту досмотра. Марлен нас проверяет, всё чисто. На рамке не звеним, в рюкзаках ничего подозрительного. И тут под Вагнера появился лютый группенфюрер Клаус Геймер или даже оберштурмбанфюрер в чёрном облачении (я все время их длиннющие звания путаю). Без здрасьте и пожалуйста – мы же нелюди, зачем вежливость включать? – он схватил медведя и тут же гигантским ножом его распотрошил. Всё это происходило под вспышки аккредитованного фотографа, рядом чалились операторы со своими камерами. Из вспоротого брюха Муша повалились... да, листовки там должны были выпасть... и тогда обер-упырь стал бы нац-героем. Но кроме разноцветных кусочков поролон в брюхе мишки ничего не нашли. Сюрприз!

Со злости упырь хотел ударить Нелли и я бросился на него, меня сбили с ног, потом стали пинать сапогами. Не

помню, как потерял сознание, но до этого убедился – эсесовцы выпустили пар на меня и Нелли не пострадала.

Дальше неинтересно. Застенки гестапо, допросы с пристрастием, своё дело каты-палачи знали. Отбили мне почки, выбили зубы, с ногой что-то сделали – это уже вне участия моего сознания, так что я не запомнил. Кровь чуть выше колени шла и долго не останавливалась, плюс нога болела сильнее, чем голова или туловище, а уж как правильный диагноз по латыни называется – не ведаю. А про мерзость пыточную что рассказывать? Или вас пытали садюги и вы это испытали, а значит, наверняка, не хотите про это слышать, или вам повезло и знать об этом не нужно. Главное – что я никого не сдал. Это важное. Хотя, если бы ещё на пару ночей оставили, не знаю, как бы повернулось дело. Но меня выпустили. Ходить я сам не мог, так тихонько по стеночке шаркал. Никто не встречал, потому что никто не знал, что выйду. Сотовый мне не вернули – он обрелся где-то на экспертизе и из него все данные вынули, но кто сейчас по телефону что-то важное говорит или пишет? Из прохожих мне никто телефон не дал позвонить, а денег на такси нет. Ладно, ковыляю до остановки, заваливаюсь в автобус. Кондуктор, женщина сердобольная попалась, тут же попросила место освободить (про деньги и не спрашивала – видела, откуда я пришёл), дала телефон позвонить. Отец проводил урок в школе и трубку не взял... маму я расстраивать не стал, ну а нашим сейчас звонить – это конспирацию не уважать, за мной могли

следить. Башка совсем не соображала. Позвонил барменше Эльзе, при такой профессии ты всегда днём свободен, она тут же подсуетилась и меня на остановке встретили надёжные кадры и к сопротивлению не относящиеся. А пока ехали, контролер мне ещё пирожком угостила и чаем из термоса. Нет, наши люди золотые, за них и воюем, ёлы-палы!

Три дня отмокал дома, отъедался, отлёживался. Писал в туалете кровью, да и харкал кровью, так что терял кровь из разных дырок. А нога болела, врач рану прочистил. Рентген сделали, кости целы, посторонних предметов, вроде, нет. А болит, зараза! С Марлен – не вижусь, опасно для неё. Сопротивленцы тоже не заходят. Один, совсем один.

Из монашеской кельи, где я вёл почти моральный образ жизни (я даже на порносайты не заглядывал, ибо знакомые мне порталы успешно заблокировали, теперь порево могли смотреть только нацики) меня вынула активная фаза восстания. Вколот в ногу обезболивающее, проверил старый добрый автомат Калашникова и занял место, согласно штатному расписанию. Наш отряд должен был деблокировать мост через реку. Более многочисленные отряды штурмовали комендатуры, телецентр, тюрьмы. Когда дело было сделано, я отер кровь с лица, не мою кровь, а врага моего, который уж слишком близко подобрался к моему горлу... гадость какая! Тут я услышал подозрительный шум. Попросил разрешение и отлучился проверить. Так и есть – самосуд в полном разгаре. Марлен изрядно потрепали – синяки и ссадины на ли-

це и теле – и хотят ставить к стенке. Забуриваюсь в толпу, ору матерно, орудую прикладом автомата, оттесняю наиболее буйных. Больно уж смелые гражданские рыла из домов повылезали – толпой на одну бабу нападать. Причем, что-то их в сопротивлении не видать было в пиковые времена. Освобождаю пострадавшую и ору:

– Тихо всем! – когда гвалт более-менее стих продолжаю орать: – Кого хотите расстрелять? Она на нас работает!

Мир не без добрых людей, тут же нашлись доброхоты, обвинившие меня в том, что я пытаюсь спасти свою любовницу.

– Трахались мы или нет – дело десятое. Она работает на сопротивление – вот, что главное!

Тут заголосили, что она нацистка, а значит, её по любому надо расстрелять, причём прямо сейчас.

–Короче так, отведем её к бате (наш командир), он скажет своё слово. А если в оконцовке хотите пострелять, то стреляйте в меня, – передёргиваю затвор. Автомат Калашникова и доброе слово всегда действуют более убедительно, чем простое словоблудие.

Накал страстей потихоньку стих и толпа рассосалась. Беру Марлен за руку и веду к мосту. Там около костра даю ей водки из фляжки и сухпай на закуску, пусть подбухнёт, пожуёт и успокоится. Да и мне выпить не грех. Вкалываю в ногу ещё один шприц с обезболивающим – иначе мне от камелька не подняться. Марлен постепенно отходит от шока. Дальше

неинтересно – мост пытались отбить, мы выдержали, позже подошли союзники. Видео встречи танков с цветами можно найти в сети, ну и селфи с победителями, как же без них?

Плоды победы пожинали без меня. Заражение крови подкосило, долго в госпитале валялся, пока мне конкретно не очистили рану, была там какая-то дрянь, которую рентген не обнаружил. В общем, хорошего мало. Хотя зубы бесплатно вставили, правда, дешёвые, но и то – есть чем хлебушек жевать. Марлен меня навещала, подкармливала. Её судили, скорый трибунал признал невиновной, освободил. Пропустив через себя положенное количество лекарств и впитав содержимое нужного количества шприцев, я покинул стены госпиталя. Ни наград, ни чинов мне не дали. Да и правильно – я же не герой, а обычный боец. Моя нога ограничивала выбор профессии и я осел охранником в продуктовом магазине. Зарплата шла и деньгами и продуктами, что в эпоху карточной системы крайне актуально. Периодически в магазин заходили лихие парни, они шли с козырей – гремели наградами и щёлкали затворами. Подобных беспредельщиков направляли ко мне, а я дулом автомата направлял их на выход. Двух непонятливых застрелил. Броники их спасли от смерти, но в реанимацию парни загремели. Суд назначил мне наказание в виде общественных работ за стрельбу в общественном месте, а ребята после больницы сели в тюрьму за попытку разбоя. Ничего не поделаешь – положенные приговором часы я менял таблички на зданиях, красил, подметал, на тя-

желые работы меня из-за ноги не ставили.

А что дома? Ажур. Трахаемся, как кролики и жуём то, что находим по карточкам или то, на что хватает денег на чёрном рынке, а туда придёшь утром – одна цена, а вечером – уже другая, ибо гиперинфляция растуды её в качель! К слову, если решён вопрос мяса и картошки, то следующий вопрос наиважнейший – обувь. Обычно Марлен носила кроссовки и это понятно – удобно. Но иногда она надевала туфли на высоком каблуке и это был для меня праздник! Еще в наших фетишистских играх мы использовали её форменные ботинки, она их сохранила, по улицам в таких не походишь – не поймут, ну и ботфорты, я купил, ботфорты могут быть любого цвета, лишь они были чёрными. Гладкие, такие чёрные кожаные ботфорты – чистый восторг! Опять же в определенных позах можно за каблочки подержаться... иногда, правда, при наших охах-вздохах чулки рвались, а вот за порванные чулки Марлен могла меня и побить. Конечно, попробуй купи сейчас новые на чёрном рынке!

Ну и процедурный вопрос решили – поженились. Никакого пафоса и накрытого стола для гостей, чисто расписались, где положено и никаких брызг шампанского. Семейным полагались небольшие плюхи и большой пряник в виде отдельной однокомнатной квартиры, так что наш союз по любви мы оформили как ушлые прохиндеи чисто браком по расчёту. Ну, а настанут времена для семейного бюджета полегче, тогда свадебку и справим, а может быть, и в путешествие от-

правимся куда-нибудь на тёплое море, где пляж и жарка до пуза.

С работы за барной стойкой (устроили туда по знакомству, просто так с улицы сейчас в бар не попадёшь – не те времена) жена иногда возвращалась совершенно обессиленной. Я тогда брал Марлен на руки и нёс на кровать, там снимал с неё кроссовки и укрывал одеялом. Иногда она раздевалась, а иногда отсыпалась прямо так – в одежде. А ещё я готовил ей завтрак – яичницу и чай, точнее подкрашенную жижу, одно название. Бутеры делал с сыром, точнее с плавленым сыром, точнее с чем-то напоминающим плавленый сыр – лучше не глядя и не нюхая, просто запихнуть в микроволновку и расплавить эту субстанцию, есть её правильнее горячей, ибо холодный псевдосыр хрен разжуёшь. Ладно, хоть яйца натуральные, их ещё не научились делать из нефти. А иногда сил нам хватало на забавы и Марлен при оргазмах кричала так громко, что соседи стучали в стены от зависти и ненависти. Зачем ядом брызгать, когда самим можно потрахаться? Почему такие простые вещи не очевидны?

Как-то раз, мы с Марлен лежали после секса, она курила, хотя я ей это мильон раз сурово запрещал, а я думал про всякое. Ну, например, есть мужики, которые брезгают куни, типа они такие brutальные, что не лизут пилотки и клитор не теребят своим языком. Не понимаю, как можно быть такими ограниченными, как не ласкать те ворота, из которых мы все вышли в мир? Вот и совсем малую вечность назад,

я засовывал язык в святая святых Марлен и целовал и по-сасывал губы, коими она не разговаривает с помощью слов, но поёт на языке любви, а безымянный палец правой руки я беззастенчиво заснул ей в анус, а левой ладошкой проверял упругость знатных титок – одну то еле обхватишь, а их целых две – вот это праздник!

Раз уж зашла речь об оральном сексе, то надо и о минуте поговорить. Есть ханжеское мнение, что данным развлечением можно заниматься только с проститутками, а с женой – ни-ни! Она же этим ртом будет детей целовать. То есть по-купать женщин с низкой социальной ответственностью, по мнению этих блюстителей чистоты можно, а присунуть за щёку супруге – нет. А о гигиене эти духовно незамутнённые люди слышали? Может, не нужно жене сразу после минета бежать детей целовать? Что-то я расдухарился...

Марлен затушила сигарету, я было подумал, что нас ждёт продолжение, но она зашла с джокера:

– Я беременна!

А как же подготовить психологически, начать издалека, что когда пчёлки залетают на цветы и мажут пыльцой со своих брюшек их пестики...

– Ты чего замолк? – полюбовница нахмурилась, надо что-то из себя выдать, некогда думать!

– Ура... – наверное, это было самое жалкое «Ура» со времени нашей победы над фашистами.

– И это всё, что ты можешь сказать?

– Я рад, – я было потянулся к ней с поцелуями, но меня жесточайшим образом отвергли.

– Ну, какой из тебя отец? Ты же сам ещё ребенок... и денег у нас мало, в декрет не уйдешь надолго, моё место барменши займут... – Она ещё долго о чем-то судачила, а я как будто провалился из сказки в реальный мир. Надо же, я буду отцом!

Марлен тянуло то на сладкое, то на солёное, а то подать ей имбиря в три часа ночи. Я как мог выполнял пожелания королевы, кстати, бросившей курить с того момента, как она затушила ту самую сигарету перед судьбоносной фразой: «я беременна!» И даже в баре, который входил в комплекс шоу-варьете «Мурена», она перешла в некурящий зал, хотя и чаевые там скромнее, да и клиентов меньше. А я стал продавать контрафакт и всякое интересное, на что продавщицы охраняемого мной магазина закрывали глаза. Все они женщины, хотя и не все мамы, и знают, что такое покупать коляску, распашонки, ползунки и прочую детскую атрибутику, а также памперсы... а они сейчас в жутком дефиците по карточкам или стоят безумных денег на чёрном рынке.

Въедливая соседка и мать шестерых детей Клара подкалывала Марлен при встрече: «Ты, наверное, пятерых сразу принесешь, растолстела – чистый бегемот!» На что моя супруга обычно говорила непечатные в парламенте вещи. «Кого узи то показало – девочка или мальчик?» – и, узнав, что у нас будет девочка, Клара продолжала язвить: «Намучаешься

ты с девчонкой, а лет через шестнадцать она придёт и скажет: мама, познакомься с моим будущим мужем. А на пороге будет стоять какой-нибудь негодяй». Если бы мы ждали мальчишку, Клара неминуема бы разродилась другой фразой: «Намучаешься ты с пацаном, а лет через шестнадцать его из вашей семьи вырвет какая-нибудь стерва».

Ещё один нюанс – секс при беременности. Некоторые бабы так мучаются с токсикозом, от болей в груди, а ещё их подстерегает злобная молочница (это серьёзно и надо лечить), что им не до интимной близости. Однако, есть и такие, что прямо, как горячие пирожочки, не смотря на пузо, и хотят оголтелого секса! – главное, чтобы и мужик мог, а то ведь он ходит пришибленный грузом ответственности и огромных дополнительных хлопотов. У нас с Марлен всё было в ажуре все три триместра, за исключением последних недель, когда надо воздерживаться. Так что я имел потрясающие соития с горячим гиппопотамчиком в разрешенных камасутрой позах.

Забирать Марлен из роддома я пришёл с моими родителями, а вот тёща приехать не смогла – с другого континента к нам пока не летают пассажирские самолёты. А корабль могут потопить бешенные субмарины, еще не сдавшихся нацистских капитанов. Неужели этот легкий кулёк и торчащее из него и орущее красное личико и есть Саша? Да, мы решили назвать дочку Сашенькой. Вот вырастит и станет Македонской и будет стрелять с двух рук и завоюет весь мир.

А нам выделит какой-нибудь небольшой островок на тихую старость, где Марлен будет в огороде копать, а я – рыбачить. Старик и старуха у самого синего моря...

Мама-Марлен очень быстро вышла из декретного отпуска, так же оперативно она в спортзале сбросила с себя лишние послеродовые килограммы (нелегко ей далось похудение на 15 кило!) и снова стала той спортивной валькирией, которая сводит мужиков с ума. А Сашутка орала и мешала нам спать, но была тем чудом, которое озарило нашу жизнь. Всё-таки семьи без детей несчастны, каких бы успехов в науке и искусстве они бы ни добивались.

Как-то к нам в берлогу, где медведь и медведица вращались вокруг маленькой Сашеньки, забрался Молот, и в квартире сразу стало тесно. Он осторожно взял наше чудо в свои громадные лапы и Сашенька тут же описала гостя.

– Вот титька тараканья – ссытся! – добродушно заявил кузнец, но, увидев, вопрос на лице Марлен, закашлялся и после паузы вымолвил: – Я хотел сказать, моя королева, ваша принцесса описалась! Что ты нашла в этом мозгляке? (кивок в мою сторону) Бросай его и выходи за меня!

Молот подбивал клинья к Марлен, качая на руках Сашутку, а я только от смеха захлёбывался, когда моя женушка пикировалась с захватчиком. Мы пили ром (Марлен воздерживалась, она мать кормящая, ей была положена только толика малая вина красного), пели песни и вообще хорошо провели вечерок. Иногда женатикам надо встречаться с неженатика-

ми, а иначе можно закинуть и в счастье.

Как-то раз нас сильно достала громкая музыка, точнее мы бы с берушими, наверное, уснули, так как были измотаны бытовухой, а вот Сашутка плакала и не могла попасть в мир Морфея. Соответственно, Марлен наехала на меня, а я пошёл к соседям сверху, но там куражились такие упыри, что дело было не решить без моего мордобоя (их было сильно больше количественно). Ну, я вернулся ни с чем, жена начала орать, что я не мужик и она сейчас сама пойдёт и перестреляет всех к едрене-фене... и даже достала свой табельный «Люгер», который не сдала в районный пункт приёма оружия, как это было положено. Зачем так бабы делают? Ведь прекрасно представляла, что я её на разборку не отпущу. Я отобрал ствол и пошёл наверх (без «Люгера», ибо один короткоствол против кучи разнообразного автоматического оружия не спасёт). Открылась та же дверь, упыри находились в добром состоянии и даже предложили мне выпить. Я отказался и объявил, что или они делают звук потише или я буду драться с их старшим. Поднялся адский смех и вой и, естественно, мне пришлось махать кулаками, а я и делать этого не люблю, да и по сравнению с их громилой-заводилой... короче, мне разбили нос, губу, выбили те дешёвые зубы, что мне вставили в госпитале, и изорвали одежду, но из квартиры я ушёл на своих двоих. Это важно. Когда меня увидела Марлен, она побелела, зашипела, взяла пистолет и помчалась на разборки, я пытался преградить ей путь...

но есть стихи, которые человеческой воле не подвластны. Хромая, я не успевал за супружницей-валькирией, она уже забурилась в квартиру, а передо мной дверь захлопнулась и никто на звонки и стук уже не отвечал. Странно, но стрельбы не последовало, два раза странно, что музыка смолка, три раза странно, когда я увидел, что открылась дверь и из квартиры появилась раскрасневшаяся Марлен с куском торта и бутылкой вина. Её провожали восторженные упыри. Они налили мне под охи и ахи восхищения: «А чо ты сразу не сказал, что Марлен твоя жена?!» Такая вот претензия высказана. Водка разбередила разбитые губы и десны и я отмолчался. Оказалось, что шумные кровопийцы когда-то служили вместе с моей валькирией. Я не стал уточнять где, и так ясно, что при нациках, а сейчас они служат в наших силовых структурах. Вот это загогулина!

Однажды во вторник ничего не предвещало беды... и тут раздался рядовой звонок в дверь, я подумал, что это что-то забыла и вернулась няня Маша, которая за малую денежку и кое-какие дефицитные продукты сидела с нашей дочуркой. Держу Сашеньку на левой руке, а правой открываю дверь... нет, это не няня Маша... я обомлел, на пороге нашего семейного счастья стояло чудо в коротком цветастом платье, из которого торчали загорелые ноги (руки тоже торчали, но я всегда обращаю внимание в первую очередь на ноги) и остренькие грудки, не стесненные лифчиком, выносили мой мозг. Наконец я сфокусировался на лице, остренький носик, мел-

кие черты и огромные голубые глаза, как будто это девочка-ещё-подросток вышла из анимэ, в таких очах обычно тонут штампы писателей и роскошные светлые волосы уходили куда-то... неужели они простираются до попы? А какая из себя попа? В мир понятий и в том числе вежливости меня вернула улыбка бестии – она сразу поняла, что я её хочу, женщины это всегда чувствуют кожей.

– Привет, меня зовут Грета, я – сестра Марлен.

Вот так просто на вас падает Эверест и оказывается Джомолунгмой.

– Здравствуй! – ну кто так здоровается? – А мама Марлен не приехала? (если они родные сёстры, то она и мама Греты, вот я i-диот!)

– Можно зайти-то? – она улыбнулась и эта улыбка вознаградила меня совершенно бесплатно за мою крайнюю грубость – держу девушку за дверью.

– Конечно, проходи...

И она зашла, катя за собой чемодан на колёсиках, такие в наших пенатах не водятся, у нас всё больше рюкзаки и бесформенные баулы. Вид сзади позволил во всех красках рассмотреть «конфетку-блондинку»: с попой у неё полный порядок, а волосы до попы лишь чуток не достают...

– Чай, кофе? – предложил я. – Правда, есть только чай, да и не чай, а так бурда.

– Я привезла кофе... – она достала из чемодана кофе, настоящий кофе и кухня заполнилась давно забытым арома-

том.

– Прости, я не представился – меня зовут Леонид, а это Сашенька.

– А-а-а... – совершенно равнодушно протянула она, отхлёбывая из кружки (не кружки Марлен) кофе. Никаких уси-пуси, никаких восторгов, никаких поползновений взять милашку на руки. Сразу стало понятно, что она не любит детей, но такое бывает в её возрасте, а сколько ей лет... 15 или 16?

– Вы с Марлен родные сёстры?

– Да... или нет. У нас одна мать, но разные отцы. Как это называется – кровные?

– Нет, единоутробные.

– Всё время забываю, – тема эта тоже ей неинтересна.

Стала понятна разница – жгучая брюнетка Марлен и блондинка Грета, роскошные формы старшей и утонченность младшей. Я человек вежливый и всё-таки предложил подержать нашу красавицу Сашеньку, сеструха отказалась:

– Я не люблю детей.

Откровенно. Помолчали, молчание затянулась, иногда нельзя молчать (хотя мы с Марлен отлично молчим и понимаем о чем молчим), но я не знал о чём говорить. Просто и по дурацки сложно одновременно.

– Уточню один момент – ты тот самый герой войны по кличке Штык?

– Ну, не такой уж герой, простой боец сопротивления.

Тема не получила развития. Ну не такой я человек, что-

бы рассказывать, как пули свистели над головой. И как меня били в Гестапо, и как мы ночью вырезали патруль в Чёрной балке...

– У вас нет вай-фая?! – вот тут эмоции я почувствовал, она пыталась подключиться со смартфона и не вышло.

– Нет, в городе до сих пор плохо со связью.

– И компьютера нет?!

– Неа... – ну не буду же я рассказывать, что на комп написал бездомный кот Душман, которого мы иногда подкармливаем, и компьютер такого позора не пережил.

– Чёрт! Как вы живёте?! – огромные голубые глаза округлились и она стала просто прекрасной, вот бы прямо на столе разложить и отыметь во все дырки. Во все! Она, кажется, что-то спросила... перематываю назад, ага вопрос был: «как мы живём?» Да уж, как мы теперь заживём...

Когда пришла Марлен, она без особого энтузиазма обнялась с Гретой, да и подарки в виде каких-то немислимых у нас в городе косметических штук оставили её равнодушными, хотя она и выкрикивала всякие положенные одобрительные слова. Но я то видел – не рада она сестре. А той всё ни-почем, она как-то легко забурилась к нам в дом и осталась... Как шуруп, который гвоздодером не выдернешь.

Ночью поинтересовался у моей валькирии, сколько лет её сестре. «Без нескольких дней на шестнадцать лет меньше, чем мне», – вот задала задачку из арифметики. – «Ты помнишь, когда мне день рождения?» Я назвал точную дату.

«Молодец!» – то ли поцеловала, то ли куснула меня в ухо. «Но тебе же тоже шестнадцать» – «Не ври!» Я так и не подсчитал, почти 32 минут 16 без нескольких дней – это сколько?

При каждом удобном случае я всегда учил Сашеньку говорить слово «мама», мне очень хотелось, чтобы своим первым словом она сказала именно «мама». Это было бы приятно Марлен! А однажды, я вернулся со смены пораньше и тихо открыл дверь (так получилось не специально) и услышал, как Марлен учит нашу дочу говорить слово «папа». Я аж чуть не прослезился, быстро развернулся, снова бесшумно закрыл дверь, потом громко топал на площадке, долго копошился ключом в замке, долго заходил и снова топал ногами и шумел для профилактики. Меня уже ждали мои любимые.

Первый раз... как это было? В лифте мы с Гретой поехали. И когда двери закрылись, я просто больше не мог сдерживаться. Привлекаю её к себе, обхватив тонкую, как тростник, талию, и целую, а она отвечает и мы всасываемся друг в друга и она обхватывает меня ногами. Локтем стоплю лифт, разоблачаю брюки от ремня, миллизерные трусики блондинки пытаюсь разорвать, но получается только сдернуть и захожу в анимэ по самое небалуй, она уже мокрая и не девственница. Это хорошо, от девственниц одни неприятности.

Вот противоположности легко сравнить, столкнув друг с другом: «Они сошлись. Волна и камень, Стихи и проза, лед

и пламень. Не столь различны меж собой» – рубил с плеча фразы-алмазы классик Пушкин (наше всё). А как сравнить Марлен и Грету? И я не про внешность, тут как раз есть, где развернуться антонимам, я о простом, о сексе. Это же огонь и пламя. Хотя нюансы есть, валькирия – огонь, но на счёт анально зайти – ни-ни. Вроде и присказку иногда говорит: «ничего так не красит женщину, как анальный крем» – кокетка, ёлы-палы! – но в попку свою не допускает меня ни на полшишечки. Грета – пламя! Она не такая страстная внешне, но внутри – вулкан. Заводится с полоборота и при оргазмах позволяет всё. Да и сексом мы с ней где только ни занимались – и в туалетах баров и на крышах заброшенных зданий и в транспорте. Марлен подобной анархии не допускала, у неё в приоритетах спальня, ну может быть кухня, иногда ванна. Но в туалете – зачем? А вот с Гретой – легко! С Марлен мы могли всех наших соседей известить – так она орала и так мы перекатывались по полу-стенам (до потолка не достигали, врать не буду), а с Гретой можно было по тихому кончить в метро, взял за грудь, она начала таять, чуток добавил ласк и насаживаешь её киску на свою флейту и исполняешь вальс бостон. Теперь, вы понимаете в каком счастье я купался и какие огромные тучи надо мной сгущались... В нашем захолустном городе (по сравнению с их заокеанскими мегаполисами) Грета времени зря не теряла – поучаствовала в косплее, для меня слово не знакомое, ну там все надевают умопомрачительные костюмы и делают соответству-

ющий макияж. Сеструха Марлен нарядилась в героиню какой-то древней анимешной саги про пиратов Чёрной лагуны – минишортики с расстегнутой пуговицей на ширинке просто валяли с ног, а её стройные ножки открыты – это тоже отрыв башки, топик не закрывал плоского животика – а как я люблю плоские животики, ой вэй! Ну и на закуску – две «Береты» в кобурах под мышками. Когда она в таком виде завалилась домой после их косплеевского шабаша, я держался, наверное, пол мига, потом с рычанием бросился на неё, единым клубком тел-рук-ног мы укатились в спальню. Сашутка под присмотром радио-няни осталась в кровати.

Через малое время, после того, как мы с Гретой привели себя в порядок, в нашу квартиру ввалился ураган в виде Чёрной вдовы. Вся в чёрном, блестящем, два арбуза торчат из декольте (внимательно слежу, когда вывалятся) и тоже с двумя пистолетами. Везет мне на баб, стреляющих с двух рук. Вдовушка попалась горячая (везёт мне на горячих женщин), но оказывала она внимание не мне, а Грете. Я сначала приревновал, но потом подумал и сделал вывод: мне на руку. Пусть девчонки мутят свою лесбийскую историю. Марлен меньше будет ревновать к сестре. А то ведь, когда Грета выходит к завтраку моя жена начинает слегка нагнетать – уж больно в сексуальных распашонках её младшенькая единоутробная сеструха выползает и иногда без трусиков, а лифчика она вообще не признает. Я стараюсь не смотреть, но член начинает обозначать себя в спортивном трико, прихо-

даться класть ногу на ногу.

В процессе развития романа Греты и Чёрной вдовы Марлен несколько сбавила накал ревности и мне стало полегче. Хотя, сколько я проживу, если моя валькирия узнает, что я творю с её сеструхой? Секунду-другую... Лучше о таком не думать, а то позвоночник холодеет.

Двойным агентом тяжело, нужно быть двумя людьми в одной шкуре, а это плохо – можно лопнуть. Остаюсь любящим отцом и я в этом искренен, остаюсь любящим мужем и я в этом искренен – я же люблю Марлен! – и в сексе у нас полный порядок, а ещё я люблю Грету и трахаюсь с ней при первой же возможности. Вот тут и возникает некий дуализм, триединство, короче, сложность, а я же простой человек. Да и от такого обилия любви можно захлебнуться легкими. А ещё я теперь мог заснуть и после завтрака и после обеда и даже после ужина. Ведь ни днём, ни ночью при таком плотном графике жизни и секса спать – то есть просто спать и видеть сны или не видеть снов – положенные восемь часов подряд просто невозможно. И ещё я на уровне копчика понял мужиков, которые всех своих баб называют одинаково «киской», «рыбкой», «зайкой» – даже во сне ты не проговоришься, ведь «зайка» – всегда «зайка».

Марлен – своя, я её понимал, я её любил, она мать нашей дочурки, она никогда не бросит и я её не брошу. Грета – другая, в ней есть некая инаковость, я её не понимаю довольно часто, но когда от моих ласк у неё расфокусируются глаза...

короче, я люблю двух женщин, а ещё люблю Сашутку.

Мир не без добрых людей. Кто-то Марлен донёс, может быть, соседи, которые слышали подозрительные вздохи, когда моей жены не было дома, или Чёрная вдова сделала своё тёмное дело. Но результат один – прямое, как шпага, обвинение:

– Ты трахаешься с Гретой! – Марлен в ярости. Онахватила «Люгер» и наставила на меня. Я положил Сашеньку в кровать и отошёл, не хватало ещё закрываться малышкой. Марлен оценила, но ствол всё равно нацелен мне в лоб, а ноздри разгневанной женщины раздуваются от воздуха и гнева, которые не может вместить даже её роскошная грудь.

– Что скажешь?!

– Что люблю тебя...

– Ложь!

– Правда...

– И на нашей кровати ты трахаешься с этой ... (дамой низкой социальной ответственности – прим. цензуры)?!

– Да, – вздох. – Я её тоже люблю... (правда)

Она передернула затвор. Наверное, любое сказанное мной слово теперь будет использовано против меня...

Секунды текут столетиями... да ничего тут не изменишь и ничего не решишь... и я заплакал... ведь я люблю Марлен, Грету и Сашу, и сейчас Марлен убьёт меня и я потеряю их всех. Слезы стекали по моим худым щекам, достигали подбородка и капали на пол неслышно.

– Твою ж мать! – она бросила в меня «Люгер» села на пол и заревела белугой. И Саша заплакала. Вот так счастливая семья превратилась в несчастную, хотя на входе процесса была только любовь. Наверное, зло родилось из лжи. Но тогда, конечно, я ничего такого сложного не думал. Не мог – я просто плакал, а когда попытался обнять Марлен, она ударила меня локтем и разбила нос. Что-то в последнее время ему не везёт.

Грета пришла не вовремя, хотя и в другое время было бы не лучше.

– Ах ты сучка! – Марлен рванулась разорвать свою младшую сестру.

– Грета, беги! – Я схватил и сколько мог удерживал валькирию. Младшенькая сеструха свалила, забрав только сумочку. Чемодан из окна выкинула Марлен и он разбился – двенадцатый этаж не оставляет шансов фирменным чемоданчикам.

Мы не разговаривали три месяца, но не развелись.

– Твоя сучка родила, поздравляю, дважды папаша! – бросила в меня ядовитые слова Марлен.

Мне стало и горше и радостнее. Позже, я узнал, что родился мальчик. Здоровый мальчик, рост, вес, количество пальцев на ногах и руках – всё как положено. По настоянию матери Грета загодя вышла замуж за любящего её молодого человека и мой сын родился не в моём браке.

С Марлен мы до сих пор не спим вместе, но нас соединяет

Сашутка, которая, как мост, соединяет маму и папу. И всё бы хорошо, но вдруг в наш шаткий мирок, который, я надеюсь, скоро пройдет точку бифуркации (критического неустойчивого состояния системы) и вновь займёт устойчивое положение, снова приедет Грета?